Автор: Оргкомитет
08.04.2013 23:29

Живет в Москве (Россия). О себе: "Инженер-строитель".

Падежи

Поднимает шхуна якоря,
якоря и те – из янтаря,
и заря над бледным фонарём
заливает небо янтарём.
В корабельный колокол ударь –
зазвучит над палубой янтарь,
колоколу медному под стать –
чтобы вспомнить и не забывать.
Я тебе марину подарю –
солнечным лучом по янтарю,
по сосновым иглам, по коре,
и инклюз глагола в янтаре.

Прибалтийские зарисовки

1.

Дождём прибило, как из-за угла,
сосновый запах на песчаном пляже,
и не хватает красок и тепла
в июльском неулыбчивом пейзаже.

Дождём накрыло, словно навсегда,
мирское под счастливою звездою;
земная и небесная вода
соединились с неразлей-водою

в унылый неоглядный водоём,
бескрайний, как жилище печенега;
и вспышками в сознании моём –
что я блюю с постылого ковчега,

что я обрызган, с головы до пят,
солёной кровью пасмурной планеты,
на все лады шпангоуты скрипят,
и небо шлёт невнятные советы.

А я у них иду на поводу,
в созвездии, доселе неизвестном,
высматривая блёклую звезду,
в разрывах туч на лацкане небесном.

Вот ты какая, Западная Русь;
пишу стихи, и внемлю и не внемлю
дождям, курю, и кашлянуть боюсь:
иначе небо упадёт на землю.

2.

Обойма труб немецкого органа
ещё тесней, чем барабан нагана,
и звуки, от низов и до верхов,
глотают жадно воздух из мехов.
Прелюдии, в миноре и в мажоре,
препятствия не видят в дирижёре;
они вольны лететь под облака,
не дожидаясь третьего звонка.

И мы вольны, в прелюдиях Эрота,
достичь глубин, каким не хватит лота,
и воздуха, и солнечных лучей,
где звук зачат, но он ещё ничей.
Где жизнь на берег вышла из глубин,

где и сейчас на пляжи из кабин
выходит столько новых Афродит,
что пена моря стольких не родит.

3.

Без ветра здесь и спрятаться не сметь;
два следа, уходящие за дюны,
новорождённы и де-юре юны,
но это, как на время посмотреть.

К окраине соснового леска
ведёт оно и, надо думать, лечит
безвременьем под шепоток и лепет
сосновых игл, прибоя и песка.

Нам босоногим просто невдомёк,
что здесь оно течёт ещё быстрее
песка сквозь пальцы милостью Борея,
с учётом пальцев необутых ног.

И часовая стрелка – есть засов;
вечерний бриз тревожит наше ложе,
заносит след тех самых, что моложе,
чем мы с тобой, на несколько часов.

Слова

Досталась, не ахти какая, роль:
у моря ждать, вкушая молчаливо
прелюдию угря и ноты соль
к янтарной кружке разливного пива.

Вторые планы, ну и что с того…
без лишних слов соскучимся едва ли;
слова, слова – и нет ни одного,
что мы уже когда-то не сказали.

На солнце ограничены в правах,
его теплу одна альтернатива:
она в ещё не найденных словах
в смоле сосновой Юрского разлива.

Прибой порой выносит к берегам
невнятицу древнейшего народа,
чей лёгкий слог принадлежит богам,

а мы с тобой не знаем перевода.